

В. Г. Белинский

Сочинения Зенеиды Р-вой.

Санкт-Петербург. 1843. Четыре части.

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

В России женщины мало пишут. Впрочем, этому нечего удивляться: в России и мужчины почти совсем не пишут. Смотря с этой точки зрения, вы увидите, что у нас женщины пишут именно не больше и не меньше того, сколько могут они писать. Звание писательницы пока еще контрабанда не у одних нас. Лживый взгляд на женщину осуждает ее на молчание. Этот взгляд, запрещающий женщине выходить из заколдованного круга простых светских отношений, не есть принадлежность собственно русского общества: он равно принадлежит и просвещенному Западу Европы. Правда, там, как и у нас, женщина давно уже приобрела право говорить печатно, -- но как и о чем говорить? вот вопрос, подробное решение которого завело бы нас далеко-далеко... в самую Азию. Никакая пишущая женщина в Европе не избегнет пошлых намеков и названия *синего чулка*¹, каков бы ни был ее талант, равно всеми признанный. Никто там не оспаривает у женщины права высказываться печатно и возможности быть одаренною даже великим творческим талантом; никого не оскорбляет и не соблазняет зрелище пишущей женщины; но в то же время едва ли кто упустит случай, говоря о пишущей женщине, посмеяться над ограниченностию женского ума, более будто бы приноровленного для кухни, детской, шитья и вязанья, чем для мысли и творчества. Это уже такая привычка у мужчин: если они давно перестали бить женщин, то еще не отстали от привычки грозить им кулаком или дразнить языком, в ознаменование права своей силы. Привычка -- вторая натура, и потому отстать от нее трудно. Для женщины-писательницы -- это первое, и притом еще самое меньшее зло. Хуже всего, что она осуждена общественным мнением на самые невинные литературные занятия, именно -- вечно повторять старые обветшалые истины, которым не верят даже и дети, но которые тем не менее считаются почтенными. Нельзя употребить большего насилия над женщиною, нельзя оказать ей большего презрения! Конечно, ей не воспрещается законом быть оригинальною и глубокою в своих мыслях, могущественною и великою в творчестве, -- по крайней мере настолько, насколько не воспрещается это законом мужчине; но если закон оставит женщину в покое, тогда против нее действует общественное мнение. Тысячеглавое чудовище объявляет ее безнравственною и беспутною, грязнит ее благороднейшие чувства, чистейшие помыслы и стремления, возвышеннейшие мысли, -- грязнит их грязью своих комментариев; объявляет ее безобразною кометою, чудовищным явлением, самовольно вырвавшимся из сферы своего пола, из круга своих обязанностей, чтоб упоить свои разнузданные страсти и наслаждаться шумною и позорною известностью. Не правда ли, что это возмутительно несправедливо?.. А вот вам и смешное: то же самое общество не читает женщин, пишущих в духе его же собственной морали, и обходит их самым презрительным невниманием, потому что оно само не верит своей морали и смеется над нею. Впрочем, оно противоречит таким образом самому себе не в отношении к одним только женщинам. Возьмем, например, современное французское общество. Представители его -- набитые золотом мешки, *приобретатели*, люди поклоняющиеся золотому тельцу. Кого читает это общество? -- писателей в духе чуждой ему морали. Это общество недавно восхищалось двумя романами Эжена Сю "Mathilde" {"Матильда" (*фр.*) -- *Ред.*} и "Mysteres de Paris" {"Парижские тайны" (*фр.*) -- *Ред.*}, а эти романы не что иное, как страшный донос на это общество². Это же общество не хочет уже читать какого-нибудь мосье де-Бальзака, до сих пор верного моральному принципу выскочившего в люди богатого мещанства; оно смеется над ним, презирает его и вместо его читает Жорж Занд, в котором имело бы право видеть своего обвинителя, изобличителя и нравственную кару³. После этого извольте угождать обществу и сообразоваться с его моралью! Все явления действительности внутри себя самих заключают всю необходимость: вот отчего люди толкуют свое, а действительность идет своею дорогою, не спрашиваясь у людей, но заставляя людей спрашиваться у нее. Привычка мало-помалу делает людей равнодушными к явлению, которое вначале поразило их, и со временем они начинают не только считать это явление естественным, но даже и приносить ему дань удивления и восторженных похвал. Таково теперь во Франции положение Жоржа Занда как писательницы; но не таково было ее положение